

А. А. Болтаевский

Русские войска на Салоникском фронте в 1917 году

Аннотация: в статье показано влияние революции 1917 г. в России на заграничные отряды русских войск в Македонии. Анализируются события, которые привели к расформированию особых бригад, а также роль англо-французских союзников, использовавших русских солдат для достижения своих целей.

Ключевые слова: история, Первая мировая война, Салоникский фронт, Македония, русские войска, особые бригады, революция 1917 г., Временное правительство, Антанта, трудовые работы.

Первая мировая война геополитически закончилась поражением России, вызвав распад государственности и кризис духовных основ во всех слоях общества. Н. А. Бердяев считал, что «русский народ не выдержал испытания войной. Он потерял свою идею»¹. Но могло ли быть иначе в гигантской человеческой мясорубке, перемоловшей за 4 года свыше 10 млн. человек? По мнению П. А. Сорокина, западная цивилизация, весь ее уклад и культура переживали в тот период глубочайшей кризис: «Больны плоть и дух западного общества и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань»². Неслучайно исследователи называют эту войну «прологом XX века». Среди русских солдат были те, кто сражался на заграничных фронтах, во Франции, в Македонии, в Персии. Им приходилось, возможно, сложнее всего вследствие тысячекилометровой оторванности от родного дома, понимания, что сражаются они вовсе не за свою землю. Факты потребительского отношения к ним партнеров по Антанте ярко иллюстрируют, что лучшие союзники нашей страны — это ее армия и флот.

С самого начала вспыхнувшего в августе 1914 г. мирового конфликта Антанта рассматривала Россию как неиссякаемый источник «живого материала», который должен был восполнять потери союзных войск. К тому же на Западе господствовал миф о колоссальных возможностях России, вызванный обширностью ее территории³. В конце 1915 – начале 1916 гг. в ходе переговоров было принято решение о переброске части русских сил на помощь союзникам во Францию и Македонию. Американский исследователь Р. Уорт

утверждает, что французы предлагали послать в Салоники 400 тыс. русских солдат, чтобы возместить потери своих колониальных войск, однако им в этой просьбе было отказано⁴. Если данные верны, то это обстоятельство говорит о цинизме союзников, которые прямо требовали прибытия «пушечного мяса» для достижения своих целей. В итоге в Салоники к осени 1916 г. прибыли 2-я и 4-я русские особые пехотные бригады⁵ общей численностью до 20 тыс. человек, сражавшиеся на самых ответственных участках фронта, в частности принимавшие участие в освобождении Монастира в ноябре 1916 г.

Однако отношение союзников к русским было настолько эгоистичным, что отношения с ними не сложились; исключение составляли сербы. Русских неприятно поразили эгоизм и расчетливость французов, проявлявшиеся не только в быту, но и во время боевых действий. Вследствие этого с явными пропагандистскими целями в марте 1917 г. в бригадах проходили беседы о великой роли Франции в мировой войне⁶. Вклад особых бригад англо-французское командование признавало (например, генерал М. Саррайль говорил: «Русские, в греческих горах, как и на сербской равнине, ваша легендарная храбрость никогда не изменяла вам»⁷), но снабжение осуществлялось не самым лучшим образом, а западные средства массовой информации почти игнорировали успехи особых бригад. (Последнее обстоятельство напоминает информационные войны конца XX – начала XXI в.)

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. Книга статей. М., 2007. С. 9.

² Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 427.

³ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 6.

⁴ Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006. С. 23.

⁵ 1-я и 3-я бригады были отправлены во Францию. В 1917 г. русские силы в Македонии были усилены 2-й особой артиллерийской бригадой.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39924. Оп. 1. Д. 4. Л. 454.

⁷ General Sarraile. Mon commandement en Orient. Paris, 1920. P. 182.

Положение изменилось после известий о Февральской революции 1917 г. в России. Хотя до болотистой и гористой Македонии информация доходила с запазданием, уже в марте в бригадах ходили слухи о событиях в России. Большая часть солдат встретила ее с воодушевлением, надеясь, возможно, и на скорейшее возвращение на Родину. Резко усилилась антивоенная пропаганда в войсках Антанты, при этом большая часть литературы поступала из Салоник, где центром конспиративной деятельности стала редакция газеты «Сербские известия»⁸. В особых бригадах, как и во всей русской армии, начался постепенный процесс демократизации. Стали издаваться и распространяться газеты: «Наш солдат на македонском фронте»⁹ и др. В конце марта 1917 г. был получен текст присяги Временному правительству для русских войск в Македонии¹⁰.

В апреле 1917 г. представитель верховного главнокомандующего при французской Главной квартире генерал Ф. Ф. Палицын запросил Временное правительство о возможности создания солдатских комитетов в русских войсках за границей¹¹. Вскоре в частях было отменено титулование офицеров, в мае 1917 г. началось создание выборных комитетов, которые должны были обеспечить солдатам защиту их гражданских и политических прав. По признанию А. И. Деникина, столь быстрое и повсеместное распространение приказа № 1 обуславливалось тем, что идеи, проведенные в нем, зрели уже много лет¹². В руководстве комитетов часто оказывались случайные люди, а то и просто отлынивавшие от трудной военной жизни. Но среди избранных депутатов были и люди, пользовавшиеся авторитетом. Комитеты были неоднородны по составу; в ротных комитетах насчитывалось значительное число простых солдат (в отличие от полковых и дивизионных, почти полностью находившихся под контролем офицеров). Таким образом, усилиями социалистических партий были созданы параллельные органы власти, вследствие чего военная дисциплина постепенно стала падать.

Помимо комитетов в армии был создан институт комиссаров, которые должны были наблюдать за занятостью солдат, поднимать авторитет командного состава, содействовать реорганизации армии на демократических началах. Они назначались военным министром из лиц, утвержденных солдатской секцией ВЦИК

Советов рабочих и солдатских депутатов¹³. Назначенный комиссаром русских войск на Салоникском фронте М. А. Михайлов фактически не справился со своими обязанностями и не имел никакого авторитета. Все его попытки воздействовать на солдат с целью заставить их продолжать боевые действия не дали ощутимых результатов.

Демократические порядки в армии, с одной стороны, способствовали улучшению жизни солдат, но с другой, учитывая их внезапность и ряд нерешенных вопросов в условиях военного времени, вплоть до фактического двоевластия (командиры и комитеты), а также в обстоятельствах пребывания за границей, в определенной степени стимулировали процесс ее быстрого разложения. Опасаясь подобного, французское командование запретило создание комитетов в своих войсках.

Довольно быстро обострились отношения между офицерами и рядовыми бойцами. Многие из офицеров растеряли авторитет, так как на виду у солдат осуществляли растрату денег, совершали побои, издевательства. О падении дисциплины свидетельствует тот факт, что русские офицеры, направленные в Салоники для пополнения, прибыв в Брест (Франция) 8 июля 1917 г., явились в штаб 2-й особой дивизии¹⁴ только 20 сентября¹⁵. Распространилось пьянство: например, согласно рапорту полковника Доршпрунг-Целица, командующий 12-й батареей 2-й особой артиллерийской бригады «капитан Ткаченко отличается склонностью к неумеренному употреблению спиртных напитков»¹⁶. Подобные случаи не были единичными и, вероятно, все более учащались в течение 1917 г.

Среди рядовых падение дисциплины проходило также во все более увеличивавшихся масштабах. Направленные в госпиталь бойцы бродяжничали несколько дней до своего прибытия¹⁷. Русские солдаты производили стрельбу по дичи у озера Пресба, а затем для ее сбора самовольно брали лодки у французской флотилии¹⁸. Впрочем, отношения с французами обострились еще в январе после убийства из револьвера, находящегося на вооружении французской армии, русского прапорщика В. И. Милло. Хотя следствию не удалось выяснить причины убийства, подозрение падало на союзников¹⁹.

⁸ Храбак Б., Цамбадовски К. Српски социал демократи на Солунском фронту у Солону и на Крфу. 1916–1918 године // Историјски гласник. Београд, 1961. № 1–4. С. 177–178.

⁹ РГВА. Ф. 39924. Оп. 1. Д. 4. Л. 279.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1215. Л. 20об.

¹¹ Там же. Л. 24.

¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С. 68.

¹³ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 88–89.

¹⁴ Летом 1917 г. 2-я и 4-я особые бригады были объединены во 2-ю особую пехотную дивизию.

¹⁵ РГВА. Ф. 39924. Оп. 1. Д. 4. Л. 180.

¹⁶ Там же. Л. 170.

¹⁷ Там же. Л. 141.

¹⁸ Там же. Л. 98.

¹⁹ РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 11. Л. 96; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1195. Л. 209.

В начале апреля начали распространяться слухи о беспорядках в 4-й особой бригаде, которые, хотя и не подтвердились, свидетельствовали о нарастании напряжения внутри бригад. В мае 1917 г. начались волнения во французских войсках, охватившие и части на Салоникском фронте. Сначала выступили колониальные войска, а затем совместно 242-й, 260-й и 317-й пехотные полки, потребовавшие прекращения боевых действий²⁰. Их выступления и были подавлены, но вызвали обеспокоенность в верховных кругах Антанты. Известия об этих событиях нашли отклик и у русских солдат, находившихся в значительно более худших условиях.

С 15 по 20 июня 1917 г. состоялся I съезд представителей 2-й особой дивизии, который на основании различных материалов составил «Доклад Временному правительству о положении русских войск во Франции» (несмотря на название, речь в докладе полностью идет о русских войсках на Салоникском фронте). Делегаты отметили, что в течение всего времени нахождения русских особых бригад на фронте бригады храбро сражались в тяжелых условиях. Следует понять чувства солдат, к которым не только союзники, но зачастую и собственное командование относились пренебрежительно. Съезд констатировал «необычайно сильное чувство тоски по Родине», которое особенно обострилось у солдат «вследствие отдаленности от Родины в момент развития там величайшего мирового освободительного движения»²¹. В этот период большинство русских солдат не отказывалось сражаться, но хотело защищать родную землю, а не пребывать на чуждом им Салоникском фронте²².

В конце июля 1917 г. в Россию через Италию и Францию отправилась делегация от 2-й особой дивизии в составе 6 офицеров и 13 солдат для доклада Временному правительству о своих пожеланиях²³. Наиболее значительной просьбой было возвращение русских войск на Родину. Кроме того, делегация должна была приветствовать Временное правительство и узнать о событиях в России. Однако она ничего не смогла добиться; больше того, ее задержали и не пустили обратно (Временное правительство сослалось на недостаток транспортов, хотя делегатов можно было отправить вместе с сформировавшейся к отправке в Салоники 2-й артиллерийской бригадой²⁴). Опасения

властей были понятны: известия, привезенные из России, могли способствовать дальнейшей дестабилизации обстановки.

Самый сильный удар по взаимному доверию между солдатами и офицерами нанес в конце августа корниловский мятеж. Теперь уже стали раздаваться требования не только о возвращении на Родину, но и об отказе от дальнейшего участия в боевых действиях. Еще до получения информации об Октябрьской революции в России в русских войсках на Салоникском фронте солдатские выступления достигли значительного размаха. Немалую роль здесь сыграли большевики, например, участник революции 1905 г. луганский рабочий И. Рыжов²⁵.

Заметную роль в нарастании недовольства во 2-й особой дивизии сыграли прибывшие пополнения — 2-я артиллерийская бригада и саперный батальон, которые были очевидцами политических и социальных изменений в России, принесли с собой новые известия и в значительной степени поддерживали перемены в обществе. Оказавшись на Салоникском фронте, солдаты этих частей сразу стали вести агитацию среди русских бригад. Особенно сильно революционные настроения проявлялись у саперов, они в основном состояли из петроградских рабочих и поддерживали большевиков²⁶. Для противодействия большевикам командование хотело использовать и националистические настроения. Предполагалось сформировать из украинцев, насчитывавших почти половину личного состава 2-й особой дивизии, отдельный полк²⁷. Однако этот проект, который мог спровоцировать крупный конфликт в отряде, не был осуществлен. В сентябре 1917 г. Временное правительство разрабатывало планы возвращения дивизии в Россию, но против этого выступили как западные союзники, так и сербские власти. Существовал проект переброски русских сил в Месопотамию, на помощь британской армии, но он не был реализован²⁸.

В конце октября 6-я и 7-я роты наиболее измотанного в боях 7-го полка отказались выступить на позиции и вести работы по возведению новой линии укреплений. Прибывшему командиру дивизии генералу В. Л. Тарановскому солдаты предъявили требование о возвращении домой. Попытки командования убедить

²⁰ Революционное движение во французской армии в 1917 г. М.–Л., 1934. С. 58, 307–308.

²¹ К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г. / Ввод. статья Н. П[рокопенко] // Красный архив. 1940. № 4 (101). С. 235.

²² РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 34. Л. 181–181 об.

²³ Там же. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 40. Л. 47.

²⁴ Деренковский Г. М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Исторические записки. Т. 38. 1951. С. 89, прим. 5.

²⁵ Погорелов М. Третья категория. Харьков, 1934. С. 83.

²⁶ Mitrovic D. Revolucija u Rusiji i ruske trupe na Solunskom frontu // Исторически гласник. Београд, 1957. № 3–4. Р. 21. С ними прибыл будущий советский научный и политический деятель Г. Д. Обичкин. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 44. Д. 4. Л. 2.

²⁷ РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 34. Л. 18.

²⁸ Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 323. Оп. 617. Д. 63. Л. 93.

солдат приступить к выполнению работ окончились неудачей. Солдаты объявили, что с этого момента они подчиняются только своим ротным комитетам. 8 ноября работы по решению ротных комитетов были возобновлены, а уже 13 ноября прерваны вновь в связи с поступившей к солдатам информацией об Октябрьской революции в России. Эти известия были доставлены болгарскими, опечатавшими специальное обращение с призывом прекратить войну в связи со свержением Временного правительства. После этого события русские солдаты заявили о своем отказе от участия в войне. Офицерам они объявили, что поскольку Советское правительство ведет с Четверным союзом переговоры о мире, то французское правительство не имеет права держать их на фронте. В военных действиях на русском участке фронта наступил перерыв, солдаты начали свободно бродить по местности²⁹. На фронте в этот период резко возрос обмен пропагандистской литературой и письмами между русскими и болгарскими солдатами. На их встречах и беседах раздавались требования об окончании войны.

Западные союзники разместили в тылу русских войск артиллерию и пулеметы, опасаясь распространения антивоенных лозунгов в своих частях. Затем англо-французское командование решило разделить солдат на три категории («система «триажа»»): военных добровольцев, трудовых рабочих и остальных лиц, которые должны были войти в «третью категорию». Тарановский на встрече с солдатами заявил, что скоро большевиков у власти не будет, в России наведут порядок, а если части уйдут с фронта, то опозорят русское оружие. Переубедить бойцов ему не удалось.

В декабре 1917 г. на смену русской дивизии прибыли французские войска, а бригады обманном путем заставили сдать оружие, разделили на роты и батальоны и разбросали по самым отдаленным деревням, где образовались лагеря. Окруженные колючей проволокой, с охраной из французских войск, те скорее напоминали тюрьмы, тем более что выход из лагеря строго воспрещался³⁰. Военнослужащие особых бригад были по существу приравнены по положению к военнопленным (англо-французское командование именно так и обозначило их статус).

В Веррие располагался самый большой лагерь (6 тыс. солдат). Среди них были саперный батальон и артиллерийская бригада, а также выздоравливающие в госпитале. В декабре 1917 г. нелегальная группа организовала в госпитале Комитет рабочей России.

В январе 1918 г. был организован Военно-революционный комитет (ВРК) 2-й особой пехотной бригады, позднее переименованный в ВРК балканских войск. Принятый комитетом приказ № 1 «К солдату Франции» содержал призыв не использовать против русских войск оружие. Напуганное командование немедленно заменило французские силы сенегальской конницей. На следующем заседании ВРК был издан приказ № 2, в котором солдат просили не поддаваться на провокации командования, а продолжать добиваться возвращения на Родину³¹. Комитет издавал тиражом 60–70 экземпляров и свой бюллетень, распространявшийся по русским частям, зачастую со смертельными исходами для курьеров³².

20 января 1918 г. под руководством ВРК в Веррие прошел солдатский митинг. Выступившие на нем потребовали от офицеров объявить, поддерживают они большевиков или нет³³. На митинге было решено передать командование ротами и батальонами унтер-офицерам и фельдфебелям, однако это постановление осуществить не удалось. Солдаты выразили офицерам негодование за измену рабоче-крестьянскому правительству и за признание власти над собой французского командования. Они решили подчиняться только Советскому правительству и потребовали возвращения в Россию³⁴.

Многие солдаты поддерживали большевиков, так как только те обещали покончить с затянувшейся тяжелой войной, что являлось главной солдатской мечтой. Воспоминания простых бойцов свидетельствуют, что все они, заброшенные на чужбину, устали от разлуки с родственниками и семьями, тосковали по дому. Действительно, многомесячное сидение в нечеловеческих условиях в окопах, с каждодневной угрозой смерти, приводило к одной мысли: возвращение на Родину. К этому стоит прибавить поступавшую, хотя и в ограниченном количестве, информацию о напряженной обстановке в России. Это заставляло еще больше беспокоиться за родных и близких. Солдат, происходивших из крестьян, волновал вопрос о земле, которую должны были разделять после ликвидации помещичьего землевладения.

Командование 2-й особой дивизии в приказе № 1 (216) от 26 января 1918 г. ликвидировало ротные, полковые и дивизионные комитеты, а также все

²⁹ Текст одного из воззваний см.: РГВИА. Ф. 15230. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

³² Алмазов И. Французская благодарность // Октябрь за рубежом: Сборник воспоминаний / Предисл. М. Н. Покровского. М., 1924. С. 17–18.

³³ Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж, 1933. С. 207.

³⁴ Рыжов И. В Македонии / Октябрь за рубежом: Сборник воспоминаний. С. 58.

²⁹ Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж, 1933. С. 203, 205.

³⁰ Писарев Ю. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. Т. 79. С. 131.

нововведения в русской армии, появившиеся после Февральской революции³⁵. Это был явно незаконный шаг, вызвавший бурное недовольство солдат. Офицеры хотели таким запретом воспрепятствовать разложению частей, но данная мера, даже если не принимать во внимание ее незаконность, была сильно запоздавшей и не могла дать результатов. Командир 7-го полка полковник Миндру, выступивший в поддержку солдат, был отстранен от командования³⁶. В тот же день генерал Тарановский распорядился провести среди солдат опрос о разделении на три категории («система “тремя”»). Каждый из них должен был решить: остается ли на фронте (1-я категория), отправляется ли на трудовые работы в прифронтовой полосе (2-я категория), отказывается от дальнейшей службы (3-я категория). Ко 2-й категории относились и солдаты, находившиеся в госпиталях³⁷. Выбравшие 3-ю категорию должны были отправиться в ссылку во французские колонии в Северной Африке.

28 февраля 1918 г. расформирование 2-й особой дивизии было закончено. Вслед за этим был проведен опрос среди 2 тыс. раненых в госпиталях. Союзники объявили, что лечить будут только тех, кто запишется в 1-ю и 2-ю категории. Присоединившихся к 3-й категории предполагалось немедленно выписывать из госпиталей, прекратив их снабжение продовольствием. Несмотря на эти угрозы, в ходе опроса на участие в боевых действиях согласились только офицеры³⁸. Следует отметить, что французское правительство отправило на трудовые работы даже тех русских солдат, которые были ранее уволены со службы по ранениям и болезням.

Большинство русских солдат отказались от продолжения боевых действий. Преобладало твердое суждение: немедленное возвращение в Россию. Союзное командование, однако, нуждалось если не в бойцах, то хотя бы в чернорабочих. Еще в 1916 г. у Антанты, да и у Четверного союза, возник огромный недостаток не только в солдатах, но и в окопных рабочих. Русские солдаты рассматривались ими как военнопленные, а зачастую даже хуже, что позволяло их использовать в самых тяжелых условиях. В результате на трудовых работах в Греции оказались около 14,5 тыс. человек, в Северную Африку были переправлены 4,5 тыс. солдат. Во Францию военными добровольцами отправились свыше 1 тыс. человек, в Иностранский легион вступило 1195 че-

ловек³⁹; солдаты-поляки из особых бригад вошли в организованный там польский легион. Во Францию отправилась и большая часть офицеров, в том числе генерал Тарановский⁴⁰. Отметим, что Тарановскому 22 марта 1918 г. сербским королевичем Александром был пожалован орден Белого Орла 2-й степени с мечами и звездой⁴¹. Эта награда говорит о том, что правящие круги зарубежных стран, особенно братской Сербии, прекрасно сознавали роль русской армии в разгроме сил Четверного союза. Жаль только, что в отношении к простым солдатам на Западе не учитывали слова маршала Ф. Фоша: «Если Франция была сохранена на карте Европы, то это в первую очередь заслуга России».

Солдаты, вошедшие во 2-ю и 3-ю категории, считались «военнопленными»; их обрекли на полуголодное существование, на них натравливали местных жителей. Однако зачастую те оказывали помощь бойцам, понимая их тяжелое положение. Бывшие солдаты работали на строительстве дорог, осуществляли рубку леса, занимались земляными работами, при этом не делалось исключения и для больных⁴². Вступая в 3-ю категорию, солдаты фактически не соглашались ехать в Северную Африку, а протестовали против продолжения войны и трудовых работ, к чему их склоняли союзники. Трудовые отряды состояли из двух видов: просто рабочие роты и рабочие роты «бис». Последние по сути были дисциплинарными батальонами, в которых попали члены отрядных комитетов, считавшиеся «большевиками» и фактически содержались в концентрационных лагерях. Союзное командование распорядилось ограничить связь солдат с внешним миром, причем запрет распространялся даже на контакты с русскими офицерами⁴³. Пытаясь установить контакты, солдаты помещали письма в бутылки и бросали их в реку, надеясь, что их кто-нибудь выловит. Французская военная полиция установила специальный пост, который задерживал эту корреспонденцию⁴⁴.

Англо-французское руководство крайне жестоко обращалось с русскими: они голодали, подвергались побоям и унижениям, больным отказывалось в необходимом лечении и продолжали использовать на

³⁵ РГВИА. Ф. 15230. Оп. 1. Д. 39. Л. 4.

³⁶ РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 34. Л. 17.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6194. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

³⁸ Алмазов И. Французская благодарность. С. 22.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-6194. Оп. 1. Д. 8. Л. 150–151об.

⁴⁰ Там же. Л. 271а.

⁴¹ РГВА. Ф. 39924. Оп. 1. Д. 4. Л. 348.

⁴² Adam R. Histoire des soldats russes en France (1915–1920). Les damnés de la guerre. Paris, 1996. P. 349.

⁴³ ГАРФ. Р-6194. Оп. 1. Д. 8. Л. 61, 62.

⁴⁴ Писарев Ю. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. С. 140. Позднее эти письма попали в фонды Военно-исторического института в Белграде.

работах. Например, по словам солдата И. Паринова, на острове Микронис надсмотрщики, издеваясь над русскими, даже выбрасывали еду в море⁴⁵. Вследствие неблагоприятных климатических условий появилось много тяжелобольных. Верховное командование сербской армии констатировало, что русские солдаты умоляют сербских военнослужащих защитить их от жестокого обращения французов, что вызывало отрицательное отношение сербов к своим западным союзникам. Вследствие этого союзники издали приказ, в котором запретили принимать в сербскую армию русских солдат. Местные жители часто старались по возможности помогать русским солдатам, называли их «братушками»⁴⁶.

Антанта пыталась скрыть тяжелое положение русского контингента. Так, 22 июля 1918 г. издававшаяся в Греции газета «Индепендент» поместила статью под названием «Тенденциозные неточности». В ней опровергались будто бы инспирированные немцами слухи о том, что русским солдатам было отказано в свободном возвращении в Россию. Газета утверждала, что все русские добровольно находятся в армии или на трудовых работах⁴⁷. Против этого сообщения выступили солдаты 8-й роты «бис» (около 500 человек), составившие обращение к командиру роты сенегальских стрелков капитану Бареру, оставшееся без ответа⁴⁸. Можно предположить, что статья появилась в газете в ответ на солдатские протесты и в ответ на справедливые требования Советского правительства о репатриации солдат.

В редких случаях, когда французские офицеры проявляли свои лучшие качества, русские могли после изнурительной работы попытаться скрасить свой досуг. Например, в местечке Градобор солдатскими усилиями был организован театр, дававший спектакли почти каждую неделю. Русские солдаты, которых союзники презирали за необразованность, осуществляли довольно серьезные постановки, например, по произведениям Л. Н. Толстого. После спектаклей обычно пели куплеты политического характера, в которых высмеивались белогвардейцы и украинские националисты — петлюровцы⁴⁹. Тем самым солдаты выражали протест против своего незаконного содержания в лагерях, определяя свою гражданскую позицию.

В наиболее трудных условиях оказались русские солдаты, вошедшие в 3-ю категорию и отправленные в Северную Африку, где часть из них попала в концлагеря. К концу 1918 г. более половины личного состава трудовых батальонов умерло от голода и болезней⁵⁰. Современники оценивали создавшуюся ситуацию как «беспримерное варварство и международный скандал»⁵¹. Показателен тот факт, что Англия и Франция, справедливо указывая на преступления против военнопленных в Германии, сами проводили ничуть не лучшую политику, в частности по отношению к участникам Русского экспедиционного корпуса, своим союзникам.

Командир 2-й артиллерийской бригады генерал М. Н. Беляев однажды заявил своим солдатам: «Я вас привел сюда, и я вас отведу обратно в Россию, а кто со мной обратно не пойдет, кто останется здесь, тот — не русский»⁵². Бойцы особых бригад в большинстве своем стремились в Россию, пробираясь туда самыми разными способами.

Правительство Советской России постоянно ставило вопрос о возвращении русских солдат⁵³. Нельзя согласиться с эмигрантскими авторами Ж. Гороховым и А. Корляковым, которые обвиняют СССР в предательстве бойцов особых бригад⁵⁴. Процесс переговоров, осуществлявшихся при посредничестве Красного Креста, растянулся на длительное время вследствие завышенных требований со стороны Франции. Основная масса солдат вернулась на Родину в 1920 г., а репатриация завершилась только в 1923 г.⁵⁵

Русские солдаты не потеряли чувства товарищества даже в таких тяжелых условиях. При станции Градобор, в 12 километрах от Салоник, по инициативе бойцов под руководством солдата-художника Д. Наседкина был воздвигнут памятник павшим русским воинам на Балканах (об отношении русских солдат к французам в этот момент говорит то обстоятельство, что начальство разрешило поставить памятник с условием, что там не будет негативных надписей в адрес Франции)⁵⁶. В ноябре 1919 г. в местечке Джилфа, в Северной Африке, на местном французском кладбище состоялось открытие памятника на братской могиле русских солдат, умерших здесь в дисциплинарном батальоне. Его сооружение велось в течение двух ме-

⁴⁵ ГАРФ. Р-6194. Оп. 1. Д. 8. Л. 149.

⁴⁶ Шаевский Д. А. Русские солдаты на Балканах (Воспоминания участника Первой мировой войны). С. 72.

⁴⁷ Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну / Предисл. А. Ковалева // Красный архив. 1931. № 1 (44). С. 159, прим. 1.

⁴⁸ Там же. С. 161, прим. 2.

⁴⁹ Наседкин Д. 8 рота «бис» // Октябрь за рубежом: Сборник воспоминаний. С. 82.

⁵⁰ Известия ВЦИК. 1918. 6 декабря.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-6211. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁵² РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 34. Л. 49.

⁵³ Ленин В. И. Радиogramма Бела Куну // ПСС. Т. 50. С. 380–381.

⁵⁴ Горохов Ж., Корляков А. Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916–1918. Париж, 2003. С. 24.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 47. Л. 214.

⁵⁶ Наседкин Д. 8 рота «бис». С. 83.

сяцев, почти без всякого инструмента, одним зубилом. Многие бойцы отдавали последние деньги, чтобы увековечить память товарищей⁵⁷.

Подведем некоторые итоги. События 1917 г. раскололи российское общество и не могли не затронуть заграничные бригады. Их участь оказалась наиболее тяжелой. Нерешенность взаимоотношений между солдатами и офицерами, тяжелые бытовые условия, удаленность от России, где происходили крупные политические изменения, постепенно привели к нежеланию солдат сражаться за непонятные им цели. Этому способствовало на редкость плохое отношение со

стороны союзников, не только подвергавших русские войска неоправданному риску, но и не обеспечивавших должное медицинское и хозяйственное обслуживание. Сыграл свою роль поспешный и во многом не до конца обдуманый процесс демократизации армии, тем более проходивший в сложных условиях военного времени. Во многом вина за жертвы среди русских солдат лежит на руководстве Англии и Франции. Временное правительство не смогло решить проблему возвращения русских солдат, так как было явным «слабым звеном» в Антанте. Искалеченные судьбы — свидетельство зыбкого статуса слова «союзник» в XX в.

Список литературы:

1. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939.
2. Горохов Ж., Корляков А. Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916–1918. Париж, 2003.
3. Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. Париж, 1933.
4. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921.
5. Деренковский Г. М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Исторические записки. Т. 38. 1951. С. 71–103.
6. К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г. / Ввод. статья Н. П[рокопенко]. // Красный архив. 1940. № 4 (101). С. 228–235.
7. Октябрь за рубежом: Сборник воспоминаний / Предисл. М. Н. Покровского. М., 1924.
8. Писарев Ю. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. Т. 79. 1966. С. 109–139.
9. Погорелов М. Третья категория. Харьків, 1934.
10. Революционное движение во французской армии в 1917 г. М.–Л., 1934.
11. Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну / Предисл. А. Ковалева // Красный архив. 1931. № 1 (44). С. 152–161.
12. Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006.
13. Шаевский Д. А. Русские солдаты на Балканах (Воспоминания участника Первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74.
14. Adam R. Histoire des soldats russes en France (1915–1920). Les damnés de la guerre. Paris, 1996.
15. Mitrovic D. Revolucija u Rusiji i ruske trupe na Solunskom frontu // Историјски гласник. Београд, 1957. № 3–4.
16. General Sarraile. Mon commandement en Orient. Paris, 1920.
17. Храбак Б., Цамбадовски К. Српски социал демократи на Солунском фронту у Солону и на Крфу 1916–1918 године // Историјски гласник. Београд, 1961. № 1–4.

Referencce (transliteration):

1. Adam R. Histoire des soldats russes en France (1915–1920). Les damnés de la guerre. Paris, 1996.
2. Danilov Y. N. Russkie otryady na franzuzskom i makedonskom frontach. Paris, 1933.

⁵⁷ Русский солдат — гражданин во Франции. 1920. 5 февраля.

3. Denikin A. I. Ocherki russkoi smuty. T. 1. Vyp. 1. Paris, 1921.
4. Derenkovskiy G. M. Vosstanie russkikh soldat vo Franzii v 1917 g. // Istoricheskie zapiski. T. 38. 1951. S. 71–103.
5. General Sarraile. Mon commedement en Orient. Paris, 1920.
6. Golovin N. N. Voennye usilia Rossii v Mirovoy voyne. T. 1. Paris, 1939.
7. Gorokhov J., Korliakov A. Russkiy ekspedizionnyy korpus vo Franzii i Salonikakh. 1916–1918. Paris, 2003.
8. K prebyvaniu russkikh voysk vo Franzii v 1917 g. / Vvod. Stat'ya N. P[rokokopenko]. // Krasnyy arkhiv. 1940. № 4 (101). S. 228–235..
9. Mitrovic D. Revolucija u Rusiji i ruske trupe na Solunskom frontu // Историјски гласник. Београд, 1957. № 3–4.
10. Okt'iabr' za rubejom: Sbornik vospominanij / Predisl. M. N. Pokrovskogo. M., 1924.
11. Pisarev U. A. Russkie voyska na Salonikskom fronte v 1916–1918 gg. // Istoricheskie zapiski. T. 79. 1966. S. 109–139.
12. Pogorelov M. Tret'ya kategoriya. Khar'kov, 1934.
13. Revolucionnoe dvizhenie vo franzuzskoy armii v 1917 g. M.–L., 1934.
14. Russkie soldaty na Zapadnom fronte v mirovuyu voynu / Predisl. A. Kovaleva // Krasnyy arkhiv. 1931. № 1 (44). S. 152–161.
15. Shaevskiy D. A. Russkie soldaty na Balkanakh (Vospominaniya uchastnika Pervoi mirovoy voyny) // Voенно–istoricheskiy jurnal. 1964. № 10. S. 66–74.
16. Uort R. Antanta i russkaya revoliuziya. 1917–1918. M., 2006.
17. Храбак Б., Цамбадовски К. Српски социал демократи на Солунском фронту у Солону и на Крфу 1916–1918 године // Историјски гласник. Београд, 1961. № 1–4.